

Виктор Каган

Обстоятельства речи

Виктор Каган

Обстоятельства речи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29411925

ISBN 9785449033741

Аннотация

Виктор Каган поэт романтический, его поэзия – о переживании себя и жизни в отношениях с жизнью и собой. В её фокусе основные данности человеческого существования – смысл жизни и её конечность, любовь и одиночество, свобода, ответственность. Их отражения и образы в поэзии В. Кагана можно сравнить со стёклышками в калейдоскопе, при каждом повороте которого возникают новые и новые картины.

Содержание

разговоры с богом	8
«Из порожнего переливая в пустое...»	8
псалмы давида (на полях)	9
«— О чём мы, Господи, о чём?..»	9
псалом 1	10
псалом 2	11
псалмы 3—4	12
псалом 5	13
псалом 6	13
псалом 7	14
псалом 13	15
псалом 14	16
псалом 18	17
псалом 69	18
псалом 81	19
Псалом 87	21
псалом 90	22
псалом 102	24
псалом 108	25
псалмы 119—133	26
псалом 136	27
«Богу по-разному молимся...»	28
каин и авель	29

«Так на рассвете знобко, что впору плакать...»	34
«В воздухе виснет лень...»	36
«и только не плакать не плакать не пла...»	37
«Странные ночи и странные дни ...»	38
«Снег обобью с ног...»	39
«Господи, говорю, боженька...»	40
«явится или почудится...»	41
«Слѡва теребишь пустяк...»	43
«Всѣ было так, как не было тогда...»	44
«Шило меня на мыло...»	46
адам	46
«Господи, говорю, боже, дни похожи на ночи...»	47
«На Голгофе пасутся козы...»	48
«Толпою распалившейся хулимый...»	50
«Под крышами спалá хурда-мурда...»	51
«Господи, ты ли крутил жернова...»	52
посвящения и эпитафии	53
«Липнет к гортани солёный язык...»	53
«Поэзия друзей таких несхожих...»	55
«Напролёт, как навывлет, навзлёт...»	57
«День, месяц, год истаивают тихо...»	58
«И как ни извлекай из тишины звучанье...»	59
е.б.ж.	60
«Нашепчут небеса, накаркают вороны...»	62

«Нежна на крыльях бабочки пыльца...»	64
«Вот вечер пятого числа...»	65
«Серебряное скерцо капли с хмурых крыш...»	66
«Унылые гаммы кухонного крана...»	68
«Дни протяжны, как вздох в тишине...»	70
«Уже поняв, что дело швах...»	72
игорю меламеру	74
«И в собственной стране мы иностранцы...»	77
памяти владимира леоновича	79
«Не доверяя заметок припаркам...»	80
забытым и неизвестным поэтам	82
михаилу кукулевичу	85
«В Петах-Тикве вовсю зацвела...»	89
«Что, бедный Йорик, о былом грустить...»	90
«Ночные каштаны стучат по земле ...»	92
«Из приоткрытого окошка...»	93
леониду латынину	96
евгению витковскому и леониду латынину	99
«Нас время не обломало...»	102
«Лбом упираясь в стекло...»	103
«Тянется в небе протяжная нота...»	105
«Спрягая покорённые глаголы...»	107
памяти вяч. вс. иванова	108
«На осеннем последнем пригреве...»	110
мать	112

памяти галины гампер	114
иону дегену	117
«слёзы капали и капали...»	122
шаламовские эпиграфы	123
«Защемит, отпустит и снова зажмёт...»	128
«В радуге много красного цвета ...»	130
александру радковскому	132
«Ночь, как ребёнок малый, плачет...»	136
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Обстоятельства речи

Виктор Каган

Оле и детям

© Виктор Каган, 2018

ISBN 978-5-4490-3374-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

разговоры с богом

«Из порожнего переливая в пустое...»

*Господу богу прошение
от не верующего в него...
Геннадий Русаков*

Из порожнего переливая в пустое,
меня шило на мыло,
душу на медный грош,
вдруг в облака заорёшь:
«Господи, что это было —
звонкое, золотое,
дó смерти зажитое?».
Из его трубки выются белые облака,
«Не кричи, – говорит, – сынок,
не дёргайся, не мельтеши,
глянь в колодец своей души,
где дрожит последний звонок,
послушай – он расскажет тебе всё.
Ну, пока».

псалмы давида (на полях)

«– О чём мы, Господи, о чём?..»

– О чём мы, Господи, о чём?
Куда идём, не зная брода,
и в ступе болтовни толчём
досужих размышлений воду?

– Я показал бы тебе брод,
довёл бы за руку до рая,
но я лишь Бог – не кукловод,
я не даю – благословляю.

– Зачем же, Господи, тогда
Тебя молю? В Твоей ведь власти,
чтоб ми́нула меня беда
и стороной прошли напасти.

– Приму молитву – не мольбу,
оступишься – пошлю прощенье.
Благословляю на судьбу —
в тебе самом твоё спасенье.

– Но, Господи, я мал и слаб,

растерян, мне мой путь неведом.
Я тварь Твоя, Твой верный раб,
Я тень Твоя – шагаю следом.

– Но ты несёшь в себе Меня
и не бросаешь эту ношу.
Не загни в душе огня.
Иди. И я тебя не брошу.

псалом 1

– Сидел в совете нечестивых?
– Да, сидел.
– Вставал на грешный путь?
– Бывало, Боже.
– Делил стакан с подонком?
– Это тоже.

Какой теперь назначишь мне удел?
Сижу под деревом, что при потоках вод,
но сам – не дерево. Плоды мои убоги.
В четыре стороны лежат мои дороги,
но ни одна из них к Тебе не приведёт.
Дыхание Твоё пожухшие листья
прошедших дней разносит по кладбищам,
в костры бросает и под ноги нищим,
и лыка волчьего топорчатся кусты.
Я знаю, Господи, Ты всё рассудишь сам.

Удел земной – гордыни злая прелесть,
проклятие греха, заносчивая ересь,
потуги твари вторить небесам.
Но Твоего я искорка огня,
и голос Твой моих касался песен.
Не будь собой, я был бы пуст и пресен,
и Ты бы отвернулся от меня.

псалом 2

Зачем мятутся помыслы тщеты?
Зачем свержение рядится в свершение?
Зачем гремит победно поражение,
вступая на сожжённые мосты?
Какой-нибудь плюгавый кесарёк
пытается Творца одеть в ливрею,
сумняшеса ничтоже ахинею
несёт. Но будет краток его срок.
Он так и не поймёт, под чьей стопой
величие его осядет прахом,
и обливаясь липким смертным страхом,
уоставит в небеса свой взгляд слепой.
Шагай идущий и пловец гребни —
Бог не поможет, коль душа без Бога.
И столько, сколько суждена дорога,
служи со страхом, с трепетом люби.

псалмы 3—4

На ладони Твоей умещается мир.
В нём друзья не друзья и враги не враги.
В нём целительный яд и отравленный пир.
В нём пути Твои скрыты трухою лужи.

Ты сжимаешь ладони меня оберечь,
дышишь в них, чтобы душу теплом одарить,
чтоб с дороги не сбилась несчастная речь,
чтобы слово Твоё не могла позабыть.

А в Тебе, говорят, ни спасения нет,
ни желания слушать отчаянья стон,
но я вижу сквозь пот
негасимый Твой свет,
и не слепну от света, и знаю, что он

ждёт меня у последней, у смертной черты,
раздувает души угольки до огня,
и язык, где до *Ты* возносимое *ты*
отвечает и знаю, что слышишь меня.

Я прошу Тебя, Боже, врагов покарать,
не отнять у меня Твоей истины нить
и уменье друзей от врагов отличать,
и ладонь отворить, и на путь осенить.

псалом 5

Звезда в ночи на ўгли раскололась.
Молотят кости грома жернова.
И рвётся в крике мой неслышный голос.
О, Господи, услышь мои слова!

Приду и поклонюсь святому храму.
Но где дорога к храму? Укажи.
Лукавые уста не имут сраму
и пагуба в сердцах, и языки во лжи.

Которая по счёту мировая
встречает мир на лезвии ножа?
Какая блажь, на площадях камлая,
кровавит глаз слепого куража?

Гаджет орёт, как одуревший кочет,
раскрытый гроб гортани тленью льстит
и кесарей иконы мироточат.
А Он с сумой на паперти сидит.

псалом 6

Да не поддайся, Боже, злобе дневи,
вглядись в сухой ручей моей души —
не в ярости Твоей и не во гневе
суди меня и приговор верши.

Я немощен и слаб, стенают кости,
душа потрясена и плачет плоть.
Согрей меня в небесной тёплой гóрсти,
спаси меня – прошу Тебя, Господь.

Ты милостив – мы знаем это оба.
А смерть уносит память, не скорбя.
Кто может славить Господа из гроба?
Спаси меня – я сохраню Тебя.

От происков врагов ослепло око.
Закон затоптан в грязь и лебеду.
Врагов моих Ты покарай жестоко,
предай неуголимому стыду.

Услышь меня. Прими мои моленья.
На беззаконных гнев Твой обрати.
Спаси меня – Твоей руки творенье,
чтобы я мог в душе Тебя нести.

псалом 7

От Бога до Божией Троицы,
от Троицы к тройке наганов.
от Божьего и до бассманных,
от праведников до поганых,
от духа до алчной утробы,
от пропасти и до паренья,
от серой золы до каленья
и от слепоты до прозренья,
от правды до лжи и обратно...
И что же, и что же, и что же?
Мы – неразличимо похожи —
затылками в смертное ложе.

А ты-то? Ты кто? Ты спроси
у Бога. Но он в небеси.
Разрыта, в ухабах, убога
ведущая к Богу дорога.

псалом 13

Каин брату не сторож. Кроткий трудяга Авель
тянет свободы лямку до вечной своей вольной,
а за спиной у Бога ражий лыбится дьявол,
ангелы волокутся жилкою подконвойной.

Чёрное назовём белым, белое назовём чёрным,
вечное лето сменим на злую вечную зиму,

головы заморочим, шеи свернём непокорным,
рваную память выбросим в мусорные корзины.

Сорок воронов в небе когти на падаль точат.
Сорок шустрых сорок всё, что блестит, разворуют.
Клюнет с весёлым криком утро жареный кочет,
сплюнет брезгливо красную землю ещё сырую.

И понесётся по новому колесования кругу
мир за собой в погоне, как на водопой кони.
Так береги, Господи, детей, друзей и подругу.
Что я без них, Господи?
Прах на Твоей ладони.

псалом 14

Отверженный, поверженный,
но своему приверженный —
да как он смеет сметь?!
Твержу урок затверженный —
да будь презрен отверженный.
Но не могу презреть.

Я сам такой же, Боже мой,
зашоренный, стреноженный,
но не презри меня.
К ногам Твоим низложенный,

презреньем уничтоженный
живу, себя кляня.

Душа, как вечной дратвою,
прошита смертной клятвою,
и мне её блюсти.

Трещит спина под жатвою
виной тысячекратною,
но Ты меня прости.

Прости моё прельщение
и пусть Твоё прощение
даст силы устоять,
пройти сквозь очищение
от зла и наущения
презреньем убивать.

псалом 18

Прислушаться и в памяти сберечь
слова небес и недр земных звучанье.
День дню передаёт живую речь,
ночь открывает ночи тайны знанья.

Их голос слышен в каждом языке.
Их звук несёт с собою откровенье.
Лежат миры у Бога на руке,

высокому послушны повелению.

Звезда летящая и падающий лист,
и первый снег шуршит над колыбелью,
и страх Господень праведен и чист,
как вслед за ним идущее веселье.

Меж помыслом и умыслом держась,
до замысла поднимаешься едва ли,
пока себя не обнаружит связь
всего со всем, что в слово заключали.

И Божий суд не надо мной – во мне,
не в будущем, а в этом долгом миге,
где, как росток, таящийся в зерне,
в себя вбираешь тайный смысл Книги.

псалом 69

Орёл повис над пропастью времён.
Застыло время на пределе страсти.
Моей молитвой воздух напоён,
но множатся несчастья и напасти.

Не медли, поспеши ко мне, Господь!
Не принимай за дурня иль кликушу!
Я не о том, что изнывает плоть,

спаси от поношений мою душу,

вспять обрати желающих мне зла,
останови их низкие деянья.

и дай мне сил, чтобы душа могла
дожить до их стыда и осмеянья,

чтоб вместе с теми, кто идёт к Тебе,
Тебя воспеть и петь Твоё спасенье
не в жалкой и униженной мольбе,
а в радости одной – Тебе служенья.

Так поспеши, Господь, на помощь мне,
я нищ и беден без Твоей заботы.

Ты жизни свет, мерцающий в огне
души, когда за ней идёт охота.

Не медли, поспеши, Тебя прошу!

Ты знаешь – я прошу не слишком много.

Три тыщи лет молитву возношу.

Три тыщи лет... мгновение для Бога.

псалом 81

Доколе суд неправедный продлится?

Я спрашиваю вас – в ответ ни слова.

Повисла тишина. Гляжу я в ваши лица,
понять пытаюсь лжи первооснову.

Перебираю ваши приговоры:
безвинные гниют в грязи острогов,
зато в чести разбойники и воры
и нечестивость правит на дорогах

судимой вами жизни. И не святы
ни бедности голодные мученья,
ни ангелы, забритые в солдаты,
ни честность у бесчестья в услуженьи.

Потомки ваши выстроят гулаги
и возведут освенцимские печи,
набьют телами детскими овраги...

Вы ни при чём?

Нет, вам ответить нечем.

Меня не чтущих возвели в пророки.
Моим законом вертите, как дышлом.
Вас много. Но вы страшно одиноки
передо Мной – единственно Всевышним.

Отбросьте словоблудий украшенья,
судите так, чтоб обогреть сиротство,
чтоб диктовали каждое решенье
Мои законы, а не блажь и скотство.

Но бродите во тьме, Меня не зная
и слова Моего не разумея,
и корчится от боли твердь земная,

за вас, стыда не знающих, краснея.

Сыны Всевышнего, вершители и боги,
вы верите – я защищу навеки.

Отвергнутые Мной, вы будете убоги
и смертны, как простые человеки.

Но вас принять земля не распахнётся,
и ворон чёрный спустится на рану,
и канет взгляд в слепую сушь колодца,
когда восстану.

А когда восстану?

Псалом 87

Ты забираешь лучших и селишь их души в раю,
но мёртвые петь не могут, Боже, во славу твою.

Они возвращаются прахом вскармливать новый прах.
Зову Тебя сквозь одиночества душу съедающий страх.

Ухо Твоё приклони к молению моему.
Дай отдых душе и откровенье уму.

Пустота дня окружает меня, как вода.
В ней с шипением гаснет светившая мне звезда.

Скажи, отчего, Господи, прячешь лицо от меня,
мне посылая пламя сжигающего огня?

От света в ослепших глазах темно
и нет во тьме ни просвета, но

тьма растворяется в свете и
серыми кляксами плещутся в нём воробы.

Боже мой, как спотыкается мой охромевший слог,
а ты всё молчишь, Господи, и отозваться не смог.

псалом 90

Живущий под сенью Твоей ладони,
уповающий на Тебя,
ничего у Тебя не просящий,
озарённый страхом Твоим,
говорю Тебе...

Господи,
Ты дал мне время и путь
моей непутёвой жизни,
и в любое время
на любом из моих путей
отведёшь от меня всё,
что не Время и Путь,
данные от Тебя.

Ты не заплатишь золотом
за то, что я возлюбил Тебя,
но проведёшь меня
через всё, что я должен пройти,
чтобы моё упование на Тебя стало мною.
Вода будет топить – и прибьёт к берегу.
Ветер будет валить с ног —
и вынесет в нужное место.
Если я не перестану уповать на Тебя,
ангелы Твои охранят меня от меня,
мои молитвы от суесловия
и мой храм от роскоши.
Храмом мне будет любое место,
с которого Ты слышишь меня,
и мои упования на Тебя
помогают Тебе быть
Всевидящим,
Всезнающим,
Всемогущим.
Ты мой Бог, на которого я уповаю,
которого ни о чём не прошу,
ибо Ты знаешь мой Путь,
а пути я выбираю сам
из тех, что составляют Путь,
который назначил Ты.
Ты ведь слышишь меня, Господи?

псалом 102

Скользит по небу облачная вата
журавликом на сломанном крыле.
Я стану прахом – тем, чем был когда-то,
и лягу в прах, прильнув щекой к земле.
Живу травую в поле и травую
вновь прорасту. А больше – ничего.
И ветер пронесётся надо мною
и не узнает места моего.

Бог милостив не тем, что от могилы
избавит навсегда, а тем, что путь
собой наметит и поддержит силы
в могилу раньше срока не свернуть,

Неспешен в гневе и негодованье —
не бесконечно милость велика —
Он точно знает меру наказания
как ни страшна вина и ни горька.

Он милостив не к тем, кто не был грешен
и кнут лизал в руках у пастуха,
а к тем, чей страх на чистоте замешан
и на прозреньи своего греха.

Могущество Его не в утоленьи

нелепой блажи сказки во плоти,
а в мудром и спокойном позволеньи
Его в себе сквозь время пронести

и в прах вернуться, как пришёл из праха,
и душу отпустить, как Он – твои грехи.
И стынет на ветру моя рубаха.
И шелесты её слагаются в стихи.

псалом 108

Что эта жизнь, Господи? Господи, расскажи.
Что в ней Твои дороги, что прелестей миражи?
Что в ней мой хлеб насущный, что запрещённый плод?
Возлюбленным Иовом ждать ли мне от Твоих щедрот,
пока воделенное миро не попадает в рот
и по усам стекает, калеча Твои чертежи?

Корчиться под ударами кнута, батога, камчи
и возносить молитвы к зияющим небесам?
А впрочем, хочешь, кричи, не хочешь, молчи,
ибо никто не внемлет твоим смешным словесам.

И тут уже ни врачи, ни золотые ключи,
ни золотые рыбки, ни «Отворись сезам»
Боже, хвалы моей не премолчи,
а всё остальное, Боже, можно я сделаю сам?

псалмы 119—133

Что даст Тебе, Господь, лукавство языка?
Лишь подчеркнёт умышленность обмана.
И я пою Тебя, хоть жизнь моя горька
в кровавом мельтешеньи балагана.
О мире говорю – в ответ несётся брань.
О мёртвых плачу – множатся погромы.
Так с первых дней моих. Но душу мне не рань
молчанием своим. Дай жизнь живому.

Когда б не власть Твоя, мы б канули в огне,
в сетях пропали, захлебнулись в водах.
В чужой благослови не сгинуть стороне,
не раствориться в весях и народах.

Слезами в землю нашу лягут семена
и прорастут, и полю быть зелёным
и дать нам урожай – пусть наши имена
уйдут в зерно и небо над Сионом.

Когда моей рукой Ты мой не строишь дом,
не охраняешь город от напастей,
напрасно тяжким изводить себя трудом,
на стены ставить стражу от несчастий.

Из глубины души зову Тебя и жду,
молюсь, надеюсь, верю, уповаю.
Пошли Израилю счастливую звезду,
как я Тебе – любовь, себя смиряя.

Сбивая сердце в кровь, к Тебе я восхожу.
Тысячелетья лишь Тебе я внемлю.
Тебе – моя душа. А тело положу
в Твоею волей созданную землю.

псалом 136

Не утихает дождь и в шуме ровном
сквозь скучной равномерности гипноз,
в бормочущем шаманстве суесловном,
как гвоздь в мешке, вопрос, ещё вопрос.

С усердием дурного эпигона
потоки вод бурлят по мостовым.
Вступают в город реки Вавилона,
на перекатах хрипом горловым,

в чужой земле неволя песни Бога,
в потеху насмехающимся петь,
тоскуя по домашнему порогу
и очагу, где душу греет медь.

Куда? Зачем? От рабства окаянства
куда глядят глаза сквозь линзы слёз?
Туда, где в тёплой сени постоянства
хор детских голосов разноголос.

Сомкнуть ладони, не рассыпать манны,
напечь мацы и накормить детей.
Не петь, не петь пока врагу закланны,
но тихо помолиться без затей.

А дождь идёт...

«Богу по-разному молимся...»

Богу по-разному молимся.
Но преклоняю колени я
перед псалмами твоими,
где в рудниках искупления бьётся твоё исступление,
славя Единого имя.
Птицы гордыни взвиваются атомными колесницами,
рвут небесное ложе.
Тысячелетия канули,
скользнув над твоими страницами.
Оглянешься, а всё то же.
Та же на сцене трагедия. Сменились лишь декорации.
Кесари ходят по девкам,
молятся по мобильникам и Его призывают по рации.

Пашня сдаётся обсевкам.
Место и время не сходятся. Разные имя и отчество.
Но побратала дорога
от твоего одиночества до моего одиночества
под одиночеством Бога.

2008—2017

каин и авель

1.

Оседает пыль, проступает кровь,
чтобы помнили что почём.
Чёт и нечет, ненависть и любовь,
и по черепу жизнь ключом.

И на рану соль просыпает боль,
и слова осыпаются с языка,
и сидит старуха, зовут Ассоль,
и под девочку косит для старика.

Из кармашка божьего уголком
парус белый, а ветра нет,
и старуха ссорится со стариком
третью тысячу долгих лет.

Хороши дрова из разбитых корыт

и слова хороши во рту,
а слетают с губ – и душа саднит,
мордой тычется в пустоту,

как растерянный щен, а мамка мертва,
из гробов прорастают грибы,
трын-трава, повилика, полынь-трава,
на авось, на арапа, на если бы.

Спросит небо Каина: «Где твой брат?».
«Что я сторож брату?» – в ответ.
На конюшне царствует конокрад.
Восемь сбоку и ваших нет.

Ваши, наши – ромашку курочит бог,
чёрт монету крутит в руке,
в танке шустро катится Колобок,
ключья мяса на передке.

2.

Каин, в усмерть умаявшись, спит.
Бог приходит сквозь облака вату,
где твой брат, говорит, где твой стыд?
Он в ответ: «Разве сторож я брату?

Я и сам убиваюсь, скорбя,
на тебя одного уповая,
помнишь, как он глядел на тебя,

когда ты, на него призревая,

принимал его дар от стадов?

Так ищи, не стыди за утрату.

Ветер в поле не выдаст следов,
занесёт, разве сторож я брату?»

Отоспится. Не зная стыда,
станет жить от лица от господня,
будет множить детей и стада,
прорастая корнями в сегодня.

А об Авеле что вспоминать?

Первым грузом по имени двести
будет новой травой прорастать
в том же поле, на том самом месте.

Каинята туда ни ногой —

ну, подумаешь, рвётся, где тонко.

Им бы колокола под дугой,
молл и новая бензоколонка.

Им бы только в войнушки играть,
тешить души смертельною жатвой
и разорванный мир ушивать
под молитву кровавою дратвой.

Каин, Каин, где брат твой, скажи.

О сапог вытирают ножи.

3.

Всё не так, всё не то, но всё то же,
не похоже, но вот оно, вот.
Поскреби позолоту и кожа
устыдится бесстыдных срамот.

Прикрываешься листиком фиги,
усмиряя гормоны и страх,
и читаешь мудрёные книги,
спотыкаешься на письменах.

Над страницей задремлешь, но в росах
утро вечера не мудреней,
и опять пропадаешь в вопросах,
отбиваясь от поводырей.

Как ни скажешь – щавэль или щавель,
суп вари и вопросов нет.
Аин, Аин, где брат твой Кавель?
«Что я сторож?» – звучит в ответ.

4.

Век-мичуринец гибриды
сочиняет сам не свой.
Человеческой корриды
дух витает чумовой.

От столицы до окраин
небо в молниях висит.
Каин, Авель, Авель, Каин —
кто убил и кто убит?
Мир гибрид, война гибридна,
правит бал ангелобес
и за тучами не видно,
как горит небесный лес.

Панацеей или ядом
наливаются цветы?
Время тянется за взглядом
полоумной слепоты.

Хрипнет песня, рвётся голос,
сохнет порох в колобке,
чёрт покручивает волос,
ржавый меч на волоске.

5.

Молочным зубом день повис на нитке,
попрыгались по ракушкам улитки,
по гнёздам птицы, люди по домам.
Теней на стенах танец неприкаян,
как будто ищет брата бедный Каин,
чтобы, как прежде, всё напополам.

Он говорит отцу, что он не сторож,

ищи, мол, сам. А совести заморыш
ломóть преломит – не с кем разделить.
Он станет сеять хлеб, пасти скотину,
забудет, как делить наполовину,
завьёт верёвочкой связующую нить.

Листок календаря шуршит в потёмках,
былое отражается в потомках,
потомки – в лужах, сэлфи, зеркалах.
Посмотришь на себя – в глазах двоится,
над братьями витает смерти птица,
голодные птенцы пищат в углах.

И остаётся только жить и плакать,
и памяти месить слепую слякоть,
и горе пить, и боли не избыть,
и обжигаться о мороза треск и пламя,
и мягкость света ощущать губами,
и Каина случайно не убить.

2015—2017

**«Так на рассвете знобко,
что впору плакать...»**

Так на рассвете знобко, что впору плакать,

зябнут на травах слёзы, а в горле сухо,
и пересохшая напрочь яблок глазных мякоть,
и одуревшее в усмерть от тишины ухо.

Со стороны глянешь сам на себя – нафиг,
что бы заткнулся что ли чёртов будильник-кочет?
Жди, он заткнётся, как же... Сонного бреда трафик
месит уныло слякоть и рассосаться не хочет.

И не проснуться толком и не заснуть обратно.
Хрустнет суставами утро, тихо вздохнёт джезва,
мол, как ни ясно солнце, но и на нём пятна,
только какая разница, если взглянуть трезво?

Если взглянуть трезво, разницы не заметишь.
Резво секундная стрелка чешет слева направо.
Каждому дневи довлеет злобы его ветошь.
В каждом глотке смешаны снадобье и отрава.

Выпить с утра – грядущий день от забот свободен.
В пьяницы что ли податься или в аристократы?
Господи-боже, чем же мир тебе так неуютен,
что ты вздыхаешь грустно: «Да, натворил когда-то»?

Да не грусти, не надо.
День наступил и ладно.
Чай, не впервой, перебьёмся,
глядишь и выскочим в дамки.
Что-то лопочет утро – что из того, что нескладно?

День прижимается к жизни, словно ребёнок к мамке.

2012

«В воздухе виснет лень...»

В воздухе виснет лень
предгрозовая. И вот
сходит на нет день,
вечность впадает в год.
Жизнь выпадает из рук,
звук западает в тишь.
Карлик, уродец Мук,
что ж ты, дружок, шалишь?
Ястреба вспыхнет крик
и пропадёт во тьме.
Глупый смешной старик,
ты не в своём уме.
Сказочник замолчал.
Руки топорщат слепцы.
На перекрёстках начал
скучно маячат концы.
Что-то бормочет бог,
месит щекою тьму.
Немощен. Одинок.
Снятся кошмары ему.
– Господи, боже мой,

чем мне тебе помочь?
– Да над душой не стой,
дурень, не засти ночь.

2012

«И ТОЛЬКО НЕ ПЛАКАТЬ НЕ ПЛАКАТЬ НЕ ПЛА...»

и только не плакать не плакать не пла...
слеза по щеке утекает неспешно
о господи с кем там мария спала
бессонно и кротко светло и безгрешно
да что вам за разница грех благодать
но жала из сплетен не повырывали
и камни со свистом и каждая б...
талдычит в соитье с шестом о морали
волхвы и слепая звезда в темноте
младенец зашёлся в отчаянном крике
приснилась судьба на шершавом кресте
и губка у губ на протянутой пике
и ты не рыдай мене мати моя
омой моё тело водой дождевою
хохочет варавва и два воробья
дерутся за хлеб у солдат за спиною

«Странные ночи и странные дни ...»

Странные ночи и странные дни —
словно свечение прозрачного звука
предощущению чуда сродни
на перекрёстке сердец перестука.

Коротки ночи и дни не длинны,
словно о вечности жизнь позабыла.
В хрупком флаконе полной луны
запах серебряного чернобыля.

Спать и сквозь сон отзываться на сон,
рядом парящий слезой на реснице
под заоконных теней перезвон
в старом органе глухой половицы.

Слушать, как шепчется ночь за стеной
с днём за томительный час до рассвета...
Господи, это неужто со мной?
Что ж ты молчишь? И за что мне всё это?

«Снег обобью с ног...»

Снег обобью с ног.
Шапку в руке сомну.
Здравствуй, скажу, Бог.
Он отзовется: «Ну?».
Молча свернёт косячок:
«Дёрни. Давно не курил?
Что же ты, дурачок,
с жизнью своей натворил?».
Свечка. Терпкость вина.
Мыши в углах шу-шу.
Я до последнего дна
прошлое растелешу.
Он кашлянёт в кулак...
«Сам давай выбирай,
вроде бы не дурак,
в ад тебя или в рай?!».
Мне что в раю, что в аду,
Господи, ё-моё —
я хоть куда пойду,
только храни её.
Бог пяточок к потолку:
«Решка? Орёл? Ну, твой.
Что ж, повезло дураку.
Ладно, катись домой».

«Господи, говорю, боженька...»

Господи, говорю, боженька,
а кому говорю, бог весть,
падаю тебе в ноженьки,
если ты правда есть.

Падаю мордой в истину,
соль на губах тепла.
На расстоянии выстрела
завязью пухнет смола.

Пахнет весны зелёнка,
зреет запретный плод.
Сколько слеза ребёнка
стоит в базарный год?

Уберегу ли брата?
Сторож ли я ему?
Облака серая вата
ключьями через тьму.

Господи, ты же при власти,
иже ты где-то еси,
за мира смурного напасти

с меня одного спроси.

Буквицы лет опалённые.
Еже писах, писах.
Горят две звезды зелёные
в обугленных небесах.

2014

«ЯВИТСЯ ИЛИ ПОЧУДИТСЯ...»

явится или почудится
дохнёт ли из тёплого хлеба
он расставляет галочки
на мятом листочке неба

любит своё одиночество
ворчит чтоб поменьше славили
играет в крестики-нолики
в очко или в кайны-авели

радуется себя обыграв
делает на столе зарубку
набивает самосадам
раскуривает старую трубку

смотрит как вниз по шарикку

идут друг на друга войска
стаи смертей разлетаются
по мановенью бойка

в саду мира какой-то мичурин
выводит гибридные войны
всё хорошо маркиза мурлыча
всё хорошо и спокойно

домá и раскрашенные солдатики
разлетаются на куски
паутинками выются в воздухе
детские волоски

прутиком отодвигает уголёк солнца
чтоб не кровавил закат
но это припарки мёртвому
если херачит *град*

прах возвращается в прах
естество в вещество
поля выжигаются под засев
всё во имя его

он задумчиво мнёт в пальцах
сырую тёплую глину
перелепить или пусть остаётся
как есть всё едино

хотел как лучше старался
а на тебе как всегда
по образу и подобию клоны
но с ними одна беда

а может дело вовсе не в них
и всё это баловство
как там на храме в дельфах
познай себя самого

тем временем ночь наступает
которую он сотворил
фонарики звёзд качаются в
море разлитых чернил

2014

«Слѡва теребишь пустяк...»

Слѡва теребишь пустяк,
хочешь с богом меряться.
Скажешь этак или так —
мир не переменится.

Но надеешься, чудак,
и как в детстве верится —
встанет на ребро пятак,

залетает мельница,

хлеб насущный будет днесь,
с жизнью не расстанешься,
а расстанешься – не весь,
чутьочку останешься,

два цветочка принесёшь
к своему подножию,
скажешь: «Жаль, едрёна вошь,
больше не умножу я

славу русского пера
одою цикадовой».
Голос с неба: «Ни х..
губу-то не раскатывай».

2016

«Всё было так, как не было тогда...»

Всё было так, как не было тогда.
Во сне судьба играла в непонятки,
не ведая смущенья и стыда,
как шулер в карты или дети в прятки.

Всё было то и всё-таки не то,

двоилось, расплывалось, тасовалось,
удерживало воду решето,
в снежинки солнце на стекле смерзалось.

И не понять, где правда, а где ложь,
где ты да и на самом деле ты ли,
зачем ты правду вдохновенно врѣшь
и капли жмѣшь из высохшей бутылки,

пока орут дурные петухи,
с насеста рухнув в полночь ненароком.
И вскакиваешь доложить грехи,
смирненно стоя перед божьим оком.

А он смеётся: «Ладно, пустяки,
хотя порыв хорош и не напрасен.
Не шмыгай носом и протри очки,
и посмотри, как мир вокруг прекрасен.
Прислушайся, как тихо спит она,
не разбуди, пусть спит, и выпьем что ли
за то, чтоб стороной прошла война
и чтоб земной не выдохнуться соли».

Мы выпили и растворился сон,
и он растаял в серебре рассвета.
В колоколах дремал неслышно звон
и во дворе «Разлуку» пело лето.

«Шило меняя на мыло...»

Шило меняя на мыло,
чтоб из мешка не торчало,
господи, что это было,
спросишь, и что означало?

Он поглядит на уродца —
эка тебя всполошило.
Да ничего, улыбнётся,
мыло сменяешь на шило.

2016

адам

Ещё петухи не орут и капли росы
медленно зреют жемчугом в створках цветов.
Вечность ещё не заводит солнечные часы
и хомутов не знают тяжёлые шеи волов.

Что снится богу в ночь на шестой день?
То, что он натворил за прошлые пять?
Или седьмой, где мятой пахнет усталая лень

и в мягкой траве Эдема можно вдоволь поспать?

Или бормочет в страхе: «О, мой распятый сын!»,
просыпается, пьёт молоко из большого ковша,
проваливается в объятия кошмара топких трясин,
пока мошкара хлопочет, звёздочками шебурша.

Утром проснётся пораньше и про себя бубня,
что нет ни конца, ни края хлопотам и трудам,
руки опустит в глину и станет лепить меня
по образу и подобию и наречёт – Адам.

Выточит из ребра мне Еву. Даст нам обоим пинка.
Двумя робинзонами станем на островке земли.
Каин отправит Авеля душу за облака
весточкой деду о том, что благополучно дошли.

Внуки научатся делать шарики из свинца.
Потом какие-то суки подравняют меня в строю.
И в землю лицом утыкаясь, услышу голос отца:
«Я тебя вылепил, сыне, я тебя и убью»
2016

**«Господи, говорю, боже,
дни похожи на ночи...»**

Господи, говорю, боже, дни похожи на ночи,
если ты есть, то что же верю в тебя не очень?
Но не скажу: «Не верю этому шарлатану»,
а отворятся двери – перед тобой предстану
не с суетой, не с лестью, только с вопросом: «Ты ли?».
Ты мне ответишь: «Есть я. Только меня забыли».
Слов твоих подорожник ляжет на жизни рану.
Я помолюсь – безбожник,
спорить с тобой не стану,
спросишь с меня – отвечу.
Если солгу, то малость.
Ты проворчишь, что нечем
крыть, только лгать осталось,
не пригроишь мне адом, рая не посулишь мне.
Сядем с тобою рядом молча у старой вишни.
И да продлится молчанье, и да пребудет вечность,
да не прервёт звучанье слов тишины бесконечность.
В млечном дымке папиросы стынет аппассионата
и угольками вопросы: «Есть ты? А я-то, я-то?»
2016

«На Голгофе пасутся козы...»

На Голгофе пасутся козы,
ни крестов ещё, ни Христа
и роса под утро – не слёзы
на зелёной щеке листа.

Взор Марии звёзды щекочут,
веки вздрагивают во сне.
чистит глотку осипший кочет,
пляшет память в лунном пятне,

Вифлеем снежком припорошен,
спит младенец, во сне сопя,
в котелке шепоток горошин,
искры гаснут, в снегу шипя.

Спит Мария, ещё не зная,
что судьба уже решена,
и младенца в снах пеленая,
почему-то плачет она.

И трещит башка у Пилата,
заседает синедрион,
и собаки пьют воровато
тайной вечера кислый бульон,
и уже глумливы и ражи —
делу время, потехе час —
травят байки сытые стражи,
разливая вино про запас,

предвкушая весёлые случки,
когда тех с крестов уберут.
Над Голгофой ещё ни тучки.
На Голгофе птички поют.

2016

«Толпою распалившейся хулимый...»

Толпою распалившейся хулимый
он шёл уже не здесь, ещё не там,
своим предназначением гонимый
и солнца тень шагала по пятам.

Остатки тлели прошлогодней охры,
потухшего с чернилкой багреца.
Под оловянным взглядом ражей вохры
он волосы отбрасывал с лица.

Гудели плечи, стёртые до крови
тяжёлою шершавостью креста,
струился пот сквозь сомкнутые брови
и в немоте ржавела хрипота.

Голгофа ли, лесоповал ли, печи,
овраг или ближайшая стена,
он шёл на предначертанную встречу
под окриками злыми харкуна.

В земном аду светился рай галимый
и рай земной сползал в кромешный ад.

И слёз не утирая, дух незримый
взирал с небес сам на себе распят.

2017

«Под крышами спалá хурда-мурда...»

Под крышами спалá хурда-мурда,
смолкали крики пьяного конвоя,
летающих звёзд иссякла череда
и тихий снег струился из покоя,
вставала Вифлеемская звезда.

Поверить в чудеса ещё не смея,
которые пророчил Валаам,
но уже чудом радостно пьянея,
душа давала знак идти волхвам,
пока во сне сопела Иудея.
Волхвов Мария слушала вполуха,
сновала Саломея-повитуха,
младенца пеленая в чистый свет,
пока дары волхвов ложились глухо
к его ногам осколками комет.

А он лежал – святая простота,
ножонками сучил в плену пелёнок
и жизнь была ещё не обжитá.

Он засыпал и спал, как спит ребёнок,
что своего не ведаёт креста.

2017

«Господи, ты ли крутил жернова...»

Господи, ты ли крутил жернова
мельницы этой кровавой?
Я, говорит, но скажи мне сперва,
это не ты ли мне славой
за убиенных врагов воздавал,
слал им в молитвах проклятья?
Я лишь молитвы твои исполнял.
Что же? Теперь виноват я?

2017

посвящения и эпитафьи

«Липнет к гортани солёный язык...»

Где беда, там и Бог.

Надежда Мальцева

Липнет к гортани солёный язык.
Соль по щекам в пресность рек Вавилона.
Щебет пичуг. Захлебнувшийся крик.
Затхлость теплушки. Стон перегона.

Неугомонный светляк табака
ходит по кругу свободы острога.
Смерть за плечом так щекотно близка,
словно дыханье предсмертное бога.

Алым по белому жизни следы.
Чёрным по алому память и мука.
Так и живём от беды до беды —
морок, морока, разруха, разлука.

Так и сидим над теченьем воды.
Год проплывёт с номерком на запястье.
Красным по чёрному вспышка звезды.

Белым по красному проблески счастья.

2011

«Поэзия друзей таких несхожих...»

Ларисе Миллер и Надежде Мальцевой

Поэзия друзей таких несхожих,
такая разная, а всё-таки одна,
как стон души в каликах переходящих,
как мужество испытать своё до дна.

С закушенной губы взлетает голос
туда, где точкой исчезает взгляд
и над мечом дрожит прозрачный волос,
и звёзды нам ещё благоволят.

Две книги, две судьбы, два откровенья,
два мира, две мольбы, молитвы две
сливаются в одном прикосновенье
к седой и невесомой синеве.

Две женщины, две боли, два прощенья,
два испытанья смертных на разрыв,
две памяти, две музы, два свеченья,
две нежности, двух родников разлив,

две тайны, две свечи и два причастья,
две тишины, два хора, два пути.
И это несказуемое счастье

из слов мира поэзии плести.

2012

«Напролёт, как навывлет, навзлёт...»

*Одна чайника тонет, другая – всплывает...
Борис Херсонский*

Напролёт, как навывлет, навзлёт,
тьма прошла шуршание света.
Всё проходит и это пройдёт.
Всё пройдёт и останется это.

Ночь заварена крепко, как чай,
настоялась на тянущей боли,
так тяни по глотку и встречай
первый луч на кристаллике соли

этой самой земной, горевой,
не теряющей силы солёной.
Губ касается след плачевой,
тени бродят по стенке белёной,

дышит вечность в слепое окно,
петухи в сновиденьях летают
и чайника ложится на дно,
а другая чайника всплывает.

«День, месяц, год истаивают тихо...»

*...и незаметно я теряю время
и тихо набираю пустоту.
Сергей Петров*

День, месяц, год истаивают тихо,
просохнет след – в ладонях пустота,
и памяти шалавая шутиха
шипит, и остывает суета,

и скоро дневи не достанет злобы,
и станешь намывать в поту её,
как золото, пусть никудышной пробы,
по крошке в оправдание своё,

и со стола в ладонь слова сметая —
не съест, так покормить певучих птах —
услышишь, как смеётся запятая
над пустотой. Еже писах, писах.

2012

«И как ни извлекай из тишины звучанье...»

*Улитки наши узнают своих хозяев
Нина Горланова*

И как ни извлекай из тишины звучанье,
как ни гоняй перо по целине листа,
как ни колдуй, а прорастёт молчанье
и осенит его безмолвно высота.

И дышит тишина, беззвучно с губ слетая,
и призраком строки струится молча свет
туда, где тихо спит улиты запятая,
а строчки нет и нет, и точки нет и нет.

Лишь в ракушках витых хтонические слитки
из вечности ползут, как многоточий нить,
и кажется, пока нас узнают улитки,
ещё дано слова в строку соединить.

2012

е.б.ж.

*Е.Б.Ж. – если буду жив
Лев Толстой*

Невзрачной рыбки запах огуречный
весною петербургской скоротечной
витает в серебристом кураже
и память задыхается счастливо
прохладным ветром с Финского залива,
куда приду – конечно, е.б.ж.

Б.ж., б.ж. – какие к чёрту *если*,
когда года покойные воскресли,
как мать, что появляется во сне —
лишь руку протяни... Не тут-то было —
что было, между пальцами уплыло,
а не было, достанется не мне.

Да и не жаль. Я закурю на Стрелке.
Шипит звезда хабариком в тарелке
сырого неба. Бог устал творить.
В Неву вползают ладожские льдины.
Узлы на памяти зудят, но всё едино
не развязать связующую нить.
Что будет, е.б.ж.? Где та гадалка,
которой нагадать судьбу не жалко,

как меч над головой на волоске,
и прочитать в сплетениях невнятных
руки или в слепых кофейных пятнах
когда порвётся жилка на виске?

Да ничего не будет – будет то же,
что было, но на *было* непохоже,
уж ты не тот, и музыка не та,
и только голос в трубке телефонной
и свет, во мгле дрожащий законной,
и на столе нетронутость листа.

Орёл и решка, правда и обманка,
и серебрится корюшка-бананка,
в рот не попало – по усам текло.
Катает в пальцах бог седую глину,
затёкшую почёсывает спину
и мошкара колотится в стекло.

И, е.б.ж., ещё сыграю в прятки
со смертью, убегая без оглядки
в прозрачный запах призрачной весны,
где белой ночи завязь серебрится
и жизнь с ладони склёвывает птица
ещё без привкуса печали и вины.

«Нашепчут небеса, накаркают вороны...»

– И это снилось мне, и это снится мне...

– Как сорок лет тому назад...

Арсений Тарковский

Нашепчут небеса, накаркают вороны,
смешает карты петушиный крик,
сквозь толщу времени качнувшегося оно
мелькнёт загадкой будущего блик,
рассветный луч, кровавый взгляд заката,
как сорок лет назад и сорок сороков.
Я виноват, судьба ли виновата?
Навылет в дурака. Игра без дураков.
Капустницы крыло под тополиным пухом.
Мелькание ночниц в мерцаньи фонаря.
Усталый бог прильнул к Земле оглохшим слухом,
ловя осколки слов земного словаря.
И всё, что напоёт, наплачет, набормочет
прозренья слепоты текущих в небо глаз,
впитает в хриплый крик полубезумный кочет,
на соляном песке обозначая нас.
К основе сна прильнул уток луча летучий
и несказанных слов прозрачна филигрань,
и жизни этой миг такой счастливый случай,

что жалко спать и жаль вставать в такую рань.

2012

«Нежна на крыльях бабочки пыльца...»

Галине Комаровой

Нежна на крыльях бабочки пыльца,
по-летнему насвистывает птица
и отражённый небом свет лица
на белизне декабрьской серебрится.

В начале марта с мокрого крыльца
казалось, что декабрь – небылица,
но ласковым зверьком к рукам ловца
он ластится, где греется синица.

На деке белка шевелит хвостом,
заигрывая издали с котом,
и не найти от вечности отмычки.

На торте свечки оживут от спички —
смеясь, задуть и жить не по привычке,
а в первый раз. Всё прочее – потом.

2012

«Вот вечер пятого числа...»

Ещё я не смею привыкнуть...

Глеб Семёнов

Вот вечер пятого числа
к рассвету льнёт числа шестого.
И ночь прошла, и жизнь прошла,
и след растаял прожитого.
Но рук не отвести от рук
и губ от губ, и взгляд от взгляда.
Небесный лес роняет звук
в мелодию немого сада.
И чудо звёздного следа
летит в ладони дуралею.
К тому, что это навсегда,
ещё привыкнуть я не смею.

2012

«Серебряное скерцо капели с хмурых крыш...»

...зеленоглазый мой...

Булат Окуджава

Серебряное скерцо капели с хмурых крыш.
Захламленного неба подслеповатый свет.
На перекрёстке памяти растерянно стоишь
и замечает временем следы бредущих лет.

По переулкам памяти скитаются ветра.
Плутает закоулками дворов щербатых бред.
Тенями заполошными бессонные *вчера*
в фонарных бликах мечутся, судьбы теряя след.

Катает крошки прошлого в беззубых дёснах мышь.
В потёмках шкафа мается забытого скелет.
И ни кота, ни шила ты в мешке не утаишь
и за семь бед наделанных пора держать ответ.

Отбросишь страхи глупые и шелуху словес,
шагнёшь к суда последнего скрещению дорог —
тебе навстречу явится последним из чудес
твой нежный и единственный зеленоглазый бог.

«Унылые гаммы кухонного крана...»

*Так не от счастья ли сейчас
Нам должно плакать, Диотима?
Глеб Семёнов*

Унылые гаммы кухонного крана,
оконных петель заполуночный скрип,
шаг влево, шаг вправо – стреляет охрана
и в глотке у времени пенится хрип.

На грабли всё тех же ответов вопросы
опять наступают ногою босой,
и все наши правды то кривы, то косы,
и кости хрустят под тупую косой.

Воздушные лики, чугунные лица,
молитвенный шёпот, воинственный вой,
пареньё и топот, кулак и десница...
От Каина с Авелем вечно впервой

всё будет, как должно, пускай и иначе,
и жизнь эта смертная неумолима.
С дыханья собьюсь и от счастья заплачу,
и с губ не слизну твоих слёз, Диотима.

«Дни протяжны, как вздох в тишине...»

*Падают листья, и Муза поёт...
Александр Межиров*

Дни протяжны, как вздох в тишине,
как мгновенье в свободном полёте,
как брожение в домашнем вине,
как вселенная в крошечной йоте.
Дни протяжны, а жизнь коротка,
как в любви перед смертью признание,
не поймашь звезду-светлячка,
загадать не успеешь желанье,

не поймёшь, что зачем и к чему,
не найдёшь вожделенного смысла,
загадаешь загадку уму,
а она без ответа повисла.

Ворожит листопад круглый год,
катит шарики в вечности лузу.
И щекочет всю ночь напролёт
щёку шёпотом спящая муза.

«Уже поняв, что дело швах...»

Александрю Эткинду

Уже поняв, что дело швах,
зерно, катаясь в жерновах,
надеется на что-то,
но превращается в муку,
что струйкой тянется к мешку
горячей с эшафота.
Ещё не кончен страшный бал,
ещё пирует каннибал,
жрёт человечесьё мясо,
дымит «Герцеговина флор»,
высасывает мозг террор,
трёт пальцы о лампасы.

Всё просто, будто дважды два,
и ветер вертит жернова
от века и до века,
и ни жива и ни мертва
душа ворочает слова,
бессмертная калека.

Потом устроим карнавал,
напьёмся в усмерть, наповал,
зальём картуз на воре

и будем плакать и плясать,
и мозги пятернёй чесать
в кривом от боли горе.

Потом, немного протрезвев,
переведём тоску в напев,
чтоб сны не омрачала,
и станем жить да поживать,
жирок на душах наживать.
И всё начнём сначала.

2016

игорю мелаamedу

1.

*Только небесная родина
есть у тебя, человек.
Игорь Мелаamed*

Свинец слоится над Санкт-Петербургом
и проливается сквозь белизну ночей.
Сквозь тину лет тянусь осипшим взглядом
к забытой памяти, что кажется ничьей.

И прежде чем в заоблачные неги
нырнуть, отбросив тело в тень травы,
вплываю корюшкой в невидимые сети
воспоминаний под мотив Невы

на клавишах истёртых парашюта.
Немая память учится словам
по букварю полночного рассвета,
по время измолвившим жерновам,

и говорит, самой себе не веря,
нащупывая душу шепотком,
стучится в заколоченные двери,
идёт по битым стёклам босиком,
сверяет время по теням белесым,

по краске запоздалого стыда
пред теми, кто ушёл небесным лесом
за тайною нездешнего суда.

Давно уже не дом, а домовина.
Кровь под ногтями у Пяти Углов.
Увенчанная ангелом дубина.
Стенания разохшихся полов.

Перебираю памяти наследство
и тянутся в ночи из-за плеча
то золотуха золотого детства,
то счастье, то улыбка палача,

то под подушкой благо корки хлеба,
то ор осатанелый воронья,
то белой ночью стынущее небо —
единственная родина моя.

2.

*Беспечный мальчик, жизнь одна лишь —
да и её прожить невмочь.*

*Переверни ж ещё страницу,
пока глазам твоим светло
Игорь Меламед*

Серафимовой арфы поющая плоть.

Серафимовых труб грозовые стенанья.
И под солью земною чернеет ломбть
жизни в знаках немых препинанья.

Ни смириться, ни выплакать, ни превозмочь,
ни смолчать, ни забыть, ни забыться.
Утекает закат в гефсиманскую ночь,
бьёт крылом шестикрылая птица.

И не верят слезам ни господь, ни Москва.
Боль пронзительна, как запятая.
Но чисты и прозрачны струятся слова,
с языка за спасеньем слетая,

улетая в пространства небес и страниц
из глухой духоты перебранок.
Заполночный шелест бессонных ночниц.
Птица Синяя – птаха-подранок.

2016

«И в собственной стране мы иностранцы...»

И вот ведут меня к оврагу...

Владимир Набоков

Нет времени на медленные танцы.

Владимир Вишневский

И в собственной стране мы иностранцы.

То бес в ребро, то времени в обрез.

Нет времени на медленные танцы,

перо торопит пьяненький Велёс.

Скрипит перо и строчкой рвёт бумагу

порочный круг не в силах разорвать.

Стремишься ввысь, а тянешься к оврагу,

где время наготове убивать.

А тишина стоит, не шелохнётся,

глядит на пятипалую сирень

и звёздочка дрожит на дне колодца,

и ёжится ознобливо шагрень.

Спит Афродита на плече Ареса,

любовь с войной не размыкают рук,

Амур – шалун, мальчишечка, повеса

серебряный натягивает лук.

Нам день теперь за пять и эта мука
счастливая да не оставит нас,
пока слова мерцают тенью звука
и не дают ослепнуть блеску глаз.

Иная жизнь и мы в ней иностранцы,
поём на позабытом языке.
Нет времени на медленные танцы
на времени звенящем оселке.

2016

памяти Владимира леоновича

Дождь подбирался медленно и душно,
стихал, немея, птичий пересвист,
качался одуванчик простодушно
взывал о слове неба серый лист.

Гусиное перо в траве лежало,
далёкий гром казался шепотком,
шмели и пчёлы втягивали жала,
мальчишки веселились босиком.

Луч света бился в матовом опале,
дыханье прерывалось, грудь тесня,
и дерево смотрело на меня,
и мы без слов друг друга понимали.

2016

«Не доверяя заметок припаркам...»

*Память, ходи, как по парку прохожий...
Григорий Дашевский*

Не доверяя заметок припаркам,
прописям строк на измятой странице,
память, шатайся заброшенным парком
возле разрушенной старой больницы.

В запахе сырости неуловимо
осень витает забытого года,
сквозь желтизну проступает незримо
зелени первой слепая свобода.

Шорох шагов отзывается эхом
бега беспечного жизни навстречу,
вдохом навзрыд, задохнувшимся смехом,
неразличимостью сбивчивой речи.

Выцвело фото, растаяли лица.
Осень цветёт шелестящим забвеньем.
День уходящий тёплится, длится
света и тени переплетеньем.

Медленный блик позабытого слова.
Тенью бесплотной случайный прохожий.

Сон птицелова. Дуда крысолова.
Твой силуэт, на тебя не похожий.

2016

ЗАБЫТЫМ И НЕИЗВЕСТНЫМ ПОЭТАМ

*Мёртвому больше надо.
Евгений Витковский*

1.

Давно забытого поэта
давно забытые стихи —
в них украшают прелесть лета
веночки милой чепухи,

любовь и кровь, и осень – просишь,
и неременная *тоска...*

Он до оскомины несносен.
Но вдруг откроется строка

скупым цветком чертополоха,
колючкой с ярким хохолком
и в строчке этой вся эпоха,
вся боль и страсть одним мазком,

весь мир в одной короткой строчке,
вся жизнь до капельки, до точки —
в неё, а прочее пустяк.

А звали как?

Да... звали как?

2.

Слово медленнее полёта пуха,
вьётся в воздухе, не достигая слуха,
оседает потёками слов на листе.
Потирает лапами сытое брюхо
и жужжит забвенья зелёная муха —
бронхиальная астма в помятом альте.

Мир не скажет тебе – хорошо ли, плохо.
На дворе чёрт знает, какая эпоха.
Как ни кинь, то сума, то тюрьма, то бедлам.
Слово тихо тёплится в складках вдоха
гениальной глупостью скомороха.
Время после рассудит, что хлам, что храм.

А пока молчит, как премудрая рыба
неизвестно какой породы-пошиба —
карасишка, кит ли времени бно,
изнутри не видно, наружу нет хода
и с тобою только твоя свобода
возноситься духом, хоть ты не Иона.

Так царапай прилежно, поэт, бумагу
по пути в никуда, к забытью оврагу,
в неизвестность, прочь от шума и взгляда —
отпоют ветра в три пальца, отсвищут.
Может статься, когда-то тебя отыщут

те, кто знает – *мёртвому больше надо.*

2016, 2017

михаилу кукулевичу

1.

За всё заплачено. Живи себе на сдачу,
корми синиц, забудь о журавлях
и Синей Птице, не лови удачу,
спи у ТВ, томись в госпиталях.
Ни дна тебе ещё и ни покрышки —
лишь памяти недрёманой конвой
таращит глаз с просевшей в землю вышки.
Скажи спасибо, что пока живой.

И мама моет, моет, моет раму...
На сколько снов ей хватит этих рам?
И мёртвые во сне не имут сраму,
а срам дневной забыл про всякий срам.

Всё так, всё так и никуда не деться
от времени, от боли, от себя.
И ворошу воспоминанья детства,
заусенцы мгновений теребя.

Перебираю молодости метки,
перебиваю горечь стопарём.
Есть рукава да не вернёшь жилетки.
Запьем печаль и тихо запоём.

Озябший бог подсядет виновато,
штрафную примет, спросит закурить
и скажет: «Хорошо сидим, ребята.
А не слабб ещё творцу налить?».

Ночь на троих продлится до утра.
Он знает всё. Он не играет в кости:
«Придёт пора – я позову вас в гости.
Да не спешите – нынче не пора».

2.

Отговорит, оплачет, отпоёт...
Откуда это *от* таинственно берётся?
Зачем оно? Пускай себе живёт
щегол на дне небесного колодца.

Пускай живёт, не думая о дне,
когда в лесу небесном растворится...
Но отчего в строке трепещет *не* —
снежинка летом, на мели плотвица?

Дамоклов меч. Далёкая звезда.
На камне не оттиснутая дата.
Аукнет *не*, ему ответит *да*
лучом рассветным в зареве заката.

Журавль в руке. Синица в небесах.

И к слову льнёт мерцающее слово,
к строке строка. Еже писах, писах.
И не стареет времени обнова.

3.

Год грибной и плутоватый.
Лет шальная череда.
Век на времени распятый.
Сказки. Бредни. Лабуда.

Мы бредём. Скрипят колени,
но душа не знает лет,
из мешка тоски и лени
тянет звёздный свой билет

и живёт, поёт, страдает
счастью молится и пьёт,
не спивается и знает,
для чего она живёт.

Ты обнимешься с гитарой
так безгрешно и грешно,
«Два топорика – не старый» —
подмигнёт рассвет в окно.

Улыбнёшься, струны тронешь
словно пёрышки щегла,
в небо песенку уронишь,

чтобы новая пришла.

2014—2017

«В Петах-Тикве вовсю зацвела...»

*Ой, не надо, не надо тепла —
я о снеге мечтала полгода.
Юлия Драбкина*

В Петах-Тикве вовсю зацвела
и пугает жарою природа.
Смыться в Питер, пройтись до угла,
пусть целует Мороз-воевода.

Здесь в апреле пурга замела,
непогода, ворчат, непогода.
*Ой, не надо, не надо тепла —
я о снеге мечтала полгода.*

Пусть кружйт могоендбидопад
и в ладони ложатся снежинки,
и сверкают прохладные льдинки,
и не верится, словно в картинке
под небесные ритмы токкат
яблок хрусткий дрожит аромат.

2017

«Что, бедный Йорик, о былом грустить...»

*Но пространству тесна черепная коробка!
Сергей Гандлевский*

Что, бедный Йорик, о былом грустить,
себя мороча глупостью напрасной?
Нить Ариадны и связующая нить
переплелись с ушедшей в землю красной.

Язык с губами съела немота,
слепых глазниц открытые забрала,
между висками бродит глухота,
сбивая с нот мелодии хорала.

И в раковине черепа гудит,
не умолкая, вольное пространство,
аукается с небом трилобит
на языке эйнштейнова шаманства.

К ней ухо приложу, прижмусь щекой
к твоей щеке и, вслушиваясь в годы,
в потоке звуков различу покой
распятой на созвездиях свободы.

«Ночные каштаны стучат по земле ...»

*Погляди-ка, мой болезный,
Кольбель висит над бездной
Лариса Миллер*

Ночные каштаны стучат по земле —
два ёжика держат коричневый шарик.
Луны отражение в спящем стекле.
В дремоте висящий бумажный фонарик.

Игра притяженья и крыльев из плеч.
Над пропастью зыбка. Фантазии зыбки.
Дыханье неслышно и шёпотна речь.
Последних комариков хрупкие скрипки.

Как будто на свете ни крови, ни зла.
И Ева хлопочет, на стол накрывает,
бутылку Адам достаёт для стола
и в камушки Каин и Авель играют.

2017

«Из приоткрытого окошка...»

*Музыкант в лесу под деревом наигрывает
вальс...*

Булат Окуджава

Из приоткрытого окошка,
где за стеклом таращит кошка
зелёный глаз на белый свет,
плывёт на улицу лениво
сквозь бормотанье водослива
забытой музыки привет

и тает в грусти листопада,
как тает в темнота лампада,
когда в ней капли масла нет.
Так мать во сне протянет руки
и скроется в слепой разлуке,
где растворится её след.

Откуда песенка на русском
в немецком переулке узком
(похож на питерский, но нет)?
На подоконнике геранька,
облезлый ритмел – ванька-встанька,
скучающий в шкафу скелет.

Хозяйка выглянет, зевая.
Она почти что как живая
и даже скажет *guten Tag*.
А я расслышу *Добрый вечер*
в колоколов гудящих вече
как призрак прошлого и знак

того, что время обратимо
и память не проходит мимо
теней, встающих во плоти,
и музыкант в тени берёзы
играет тот же вальс, и слёзы,
и слова не произнести.

И растворяюсь в старом фото —
там женщина у поворота,
расплывчаты углы теней,
к Неве спускаются ступени,
на шляпе пляшет отсвет тени,
и зелень глаз из-под полей.

Из приоткрытого окошка
мурлычет по-немецки кошка
и музыка иных времён —
письмо, что носит почтальон
с размытым адресом на русском
в осеннем переулке узком.

леониду латынину

1.

Слева, справа...

Где лево, где право?

Сквозь рассвет прорастает закат.

Сладкой ягодой зреет отрава.

Умный нем, а дурак языкат.

Вертухаево семя сквозь годы
пробивается нежным ростком,
матерееет – и призрак свободы
под прицелом бредёт босиком.

Бухнет небо забористым бредом.
Пахнет кровью земная шагрень.
День за днём отправляется следом
в никуда под протяжный трень-брень.

Жизнь за жизнью, судьба за судьбою,
за душою душа. Краток срок.
Ворожбою, молитвой, мольбою,
сновидений глухой говорок.

Вохра пьяная травит о бабах,
делят мир паханы и цари.

В подконвойных дыханиях слабых
пробивается проблеск зари.

И, спасаясь от рая и ада,
потеряв ариаднину нить,
по лучу изумрудному взгляда
к сладкой соли земной восходить.

2.

*И медлила из-под закрытых век
слеза скатиться...
Леонид Латынин*

Гроза собиралась, да не собралась.
Глаза просыхали, ещё не заплакав.
Осипнут пророки, сквозь время ломясь,
и сон досмотреть не сумеет Иаков.

Из будущего до минувших времён
несётся без кучера лет колесница
и сквозь Ренессанс говорит Вавилон,
и неандертальца пустая глазница

посмотрит в глаза по-собачьи умна,
но слова не скажут пропащие губы.
От жажды умрёшь ты над кровью вина,
налитого в иерихонские трубы.

На ослике в город въезжает рыбак,
его поцелует его Alter Ego
и закувыркается тёртый пятак
над вскрытой ладонью пустого ковчега

«Титаником», лёгшим на космоса дно
всё той же печали, что плачет в начале.
Вращается шарик земной в казино,
рыбак засыпает на сонном причале
и нам из-под дна ещё не постучали.

2016, 2017

ЕВГЕНИЮ ВИТКОВСКОМУ И ЛЕОНИДУ ЛАТЫНИНУ

*Сон Серебряного века
Леонид Латынин*

На скрещеньи лет и судьб
светлячки каких судьб!
Ветерок ночной остудит
лоб и приласкает хлеб.

Мы ещё на этом свете,
с этой стороны травы,
но уже в последней трети
праздность празднуем, увы.

Не свободны от свободы,
не рабы у несвобод,
века острые обводы
повторяет небосвод.

Вёдро, грозы, явь и грёзы,
и на кончике пера
кровь, вино, любовь и слёзы,
как всегда и как вчера.

Соль сладка и сахар горек,
снег то сахар, а то соль,
и летит со снежных горок
счастье, обнимая боль.

Было, будет. Будет, было.
А повыветрится хмель,
тело приютит могила,
душу неба колыбель.

Правы мы или неправы,
но уже назначен срок,
а пока земной отравы
длить томительный глоток,

не канюча об отсрочке
быть с собою в унисон,
засыпать в объятых строчки,
просыпаться в новый сон.

Кольцами столетий спилы.
Облаками времена.
Соль не потеряет силу,
кровь сладка и солона.

Сон Серебряного века,
звёздный плеск ещё живой
и серебряное веко
месяца над головой.

2017

«Нас время не обломало...»

*Нас мало. Нас, может быть, трое.
Борис Пастернак*

Нас время не обломало,
не съел сумасшедший Молох,
нас мало и это немало,
достаточно двух или трёх
для речи свободно-неспешной,
открытой, болящей, утешной
и чтобы меж нами витало:
«Нас мало и это немало».

2017

«Лбом упираясь в стекло...»

из Петербурга в сердце Ленинграда
Виктор Кривулин

Лбом упираясь в стекло,
резкость наводишь глазную,
косишь её одесную,
тьмою ошую светло.
Питерских дворики донца,
стынь проходная дворов,
окна, не знавшие солнца,
слёпы от серых ветров.
Лбмти сырого пространства,
неба сырого ломти,
прочное непостоянство,
голос неслышный *прости*.
Ладно ограды не ржавы —
делать умели литьё.
Ум под копытом державы,
под кандалами житьё.
Память уходит по следу,
след упуская в бреду.
Ты позови – я приеду.
Ты позови – я приду.
Вытряхну звон из карманов,
пены пивной не жалей.

Царствует снова Романов,
только пожиже и злей.
В палевой Зодчего Росси
окон аквамарин,
в висельном гиблом вопросе
стынет пустой рavelин.
Серого дома громада,
чаек отчаянный грай.
Призрак ожившего ада.
Детства испуганный рай.

2017

«Тянется в небе протяжная нота...»

*Как странно! Сердце не болит
Георгий Иванов*

Тянется в небе протяжная нота
и, ощущая её притяженье,
тянется к ней, окликая кого-то,
призрак прозрачный её отраженья.

Запахи трав уплывают на запад
и приплывают обратно к востоку.
Подслеповатые стёкла сквозь напот
щурятся молча в небес поволоку,
где разверзаются медленно хляби
и в косяки собираются птицы,
перья роняя на зябкие зяби,
тени на стены, на воду, на лица.

Ели читают весну наизусть и
капли янтарные светят с иголок —
памяти искры, фонарики грусти.
Коротко утро. Вечер так долог.

Короток ум дотянуться до бога.
Первого инея сень шестигранна.
Тает в пространстве млечном дорога.

Сердце не поет. Щемяще. И странно...

2017

«Спрягая покорённые глаголы...»

*...ты телесней живых,
блистательная тень.
Е. Баратынский*

Спрягая покорённые глаголы,
склоняя существительных стада,
впадая в искус фронды и крамолы,
вести строку неведомо куда,

бежать стыда за неуклюжесть речи,
мелодию по звуку подбирать,
искать себя, себе противореча,
и слово в тишине предугадать.

Кровь шебуршит в артериях растений,
набухли жилы корневых сплетений,
земной тщеты в тряхмотьях нищета.

Зелёный луч. Последняя черта.
и прошлого блистательные тени.
Какие тени! Ты ли им чета?

ПАМЯТИ ВЯЧ. ВС. ИВАНОВА

Смерть прячет в землю плоды удачной ловитвы.
Они прорастают к свету травами и цветами.
Мы как умеем, как можем бормочем свои молитвы,
господи, говорим, что теперь будет с нами.

Что станется с нами? А ничего не станет —
будем жить-поживать, снова сновать челнами,
делать своё дело покуда не прогорланит
первый петух дня, где запричитают над нами.
Будем жить-поживать. Только теперь иначе.
С мёртвым рядом не сядешь, разве что он приснится,
и, просыпаясь, услышишь, как не поёт, а плачет
там в тишине заоконной осиротевшая птица.

Будем жить-поживать. Острога горя зámять
сменится тихим снегом, грустью бабьего лета.
Научимся улыбаться. Боль переплавим в память.
Станем прозрачно помнить и благодарить за это.

Благодарить за то, что всё это в жизни было —
милые мелочи, счастье, радости и печали,
встречи, прощанья, разлуки... Тело взяла могила.
Душа согревает душу невидимыми лучами.

Встретимся ли не знаю. Но догоню когда-то

и, оглянувшись на камень, где к дате прильнула дата,
хочу улыбнуться живущим и видеть, что встрепенулись
от слёз и мне улыбнулись... просто в ответ улыбнулись.

2017

«На осеннем последнем пригреве...»

*Только детские книги читать
О. Мандельштам*

На осеннем последнем пригреве
замирает в тиши листопад.
Над довлеющей злобою дневи
разгорается мягко закат.

Светляки, одолев притяженье,
украшают слепые двory
и вершат своё самосожженье,
веря в свет, облака мошкары.

В рамке старых окён переплёта
свет рисует то свет, а то тьму,
и комарик, бессонная йота,
рвёт струну, а о чём – не пойму.

Утро вечера не мудренее
и становятся ночи длинней,
отголоски бывшего слышнее
и минувшего тени видней.

И в небесном лесу затеряться
искушает устало душа,

где блуждают твои домочадцы,
ожидавая тебя, глупыша,

что с фонариком под одеялом,
когда спит утомлённая мать,
укрывается в свете линиялом
свои детские книги читать.

2017

МАТЬ

*А туда, где молча Мать стояла,
так никто взглянуть и не посмел.*

А. Ахматова

И ангел делает на караул крестом.

А. Пушкин

1.

Нашепчет сказок Петроградская,
Васильевский поманит остров,
неслышно позовёт Сенатская...
Истории ржавеет остов

и в петербургской волглой мнимости
с душком невыветренной прели
витают дух непоправимости —
в *Расстрелли* чудится *расстрел ли?*

2.

И Муза – та, что Данту диктовала,
в рыдающей тиши у адовых ворот
и в треске костяном лесоповала,
босая Лету переходит вброд.

3.

Спит город на крылечке золотом.
В нём тишь да гладь, да божья благодать.
И *ангел* делает на караул крестом.
И под крестом немеет болью мать.

2017

памяти галины гампер

1.

*Как устоишь? А ты ведь устоишь.
Галина Гампер*

Вот и стопка до дна обмелела,
хлеб топорщится сухарём.
Божий промысел, наше дело.
Вечность мига боли вдвоём

пополам, словно ломоть хлеба,
не преломим, как было вчера.
Лишь в душе отпевания треба,
осень, Павловск, венков мишура.

Рвётся там, где нежно и тонко
прах ласкает уставший дух.
Стол, потёртая жизнью клеёнка,
книги стопкой и ловит слух

голос твой из небесного леса:
«Устоишь? А ведь ты устоишь».
Только дней всё плотней завеса,
только в ракушке уха тишь.

Окликаю и нет ответа.

След луча на сыром песке.
Белки в стьлой мякоти света.
Меч на солнечном волоске.

Посошок мы с тобой не успели.
Догоню и искупим грехи —
посидим, как вчера сидели,
почитаем друг другу стихи.

2.

Мерцает тусклая звезда.
Давно остыли пироги.
Друзья уходят кто куда —
кто в никуда, кто во враги.

Кому покой, кому война —
путь, как ни кинь, непрост.
Пусть водка будет холодна,
пусть тёплым будет тост

под тающий в тумане след
того, что благодать.
Любить друзей, которых нет.
Любить и вспоминать.

3.

Расцвели и мои небеса...

Бабье лето. Закат сентября.
Тесный стол. Отодвинуты книги.
Нами чокнутся два стопаря,
вспоминая минувшие миги
долгих лет, недосказанных слов,
слёз и смеха, стихов и немотства.
И закат за окошком багров
подмигнёт огоньком сумасбродства.

На вопрос мой, как там в небеси
по ту сторону всхлипнувшей двери,
ты «Не бойся, не верь, не проси»
мне ответишь. И я не поверю,

а скажу: «Подожди, догоню»
и добавлю: «Теперь уже скоро».
И потянутся души к огню
купины на двоих разговора

словно этих двух лет не прошло,
словно длится немолчная строчка.
Только, господи, что за число?
Двадцать пятое. Пятница. Точка.

иону дегену

*Безбожники покорно просят Бога
– Помилуй, сохрани и пронеси.
Ион Деген, сентябрь 1944*

*Празднюю я не день рождения, а 21 января
1945 года
– день моего последнего ранения, когда я был
убит.
Ион Деген, май 2009.*

1.

От лета до зимы и от зимы до лета
то осень, то весна, то проблеск, а то блик.
Молитва в алтаре промозглого кювета
под сенью на ветру поникших повилик.

Молитва наугад – наитье, откровенье:
спаси и пронеси, дай выжить, не убей.
Обугленной души молитвенно паренье.
Клюёт с ладони жизнь озябший воробей.

И к мигу миг прильнёт короче свиста пули,
и каждый миг, как дар, намоленный в огне.
А те, что на груди у смерти прикорнули,
молитву за живых бормочут в вечном сне.

Им тихо вторит бог дрожащими губами
и посреди войны под мать и перемать
безбожником стоит с поднятыми руками
в молитве и тщете спасать и сохранять.

И месяц с кровью грязь безбожники и боги —
теперь ли разбирать, кто свой, а кто не свой?
Закуришь на краю раздолбанной дороги —
спаси и пронеси... спасибо, что живой.

2.

Сводит зубы попытка вдоха.
Меч дрожит на продрогшем луче.
Воробей – весёлый пройдоха
на впитавшемся в снег кумаче.

Ищет крови опохмелиться
бог войны и подносит война —
вся в крови и гное блудница.
Лейтенант третьи сутки без сна.

К двойке лепится единица.
Снова смерть накрывает фуршет.
Три по двести. Он будет сниться
семь десятков посмертных лет.
Будет сниться, не переставая,
оглушать наяву и во сне.

Проступает вода живая
солью пота на простыне.

Голоса оживают и лица,
боль и ярость, нежность и страх,
и надежды тлеет крупица
на растрескавшихся губах.

Жизни ствол прорастает из боли
в три обхвата, листвою шурша,
и под кроной покоя и воли
жизни радуется душа.

3.

Тихий снег над грохочущим миром
продолжает идти, как тогда,
когда бог онемел над клавиром
и катилась под траки звезда.

Двадцать первое. Смерть. Воскресенье.
Сорок пятый. Военный. Январь.
Кровь заходится в белом каленье.
Небо рушится в жирную гарь.
И ни жалости, ни снисхожденья
не прося, ткнувшись в землю страны,
обретаешь второй день рожденья
вопреки провиденью войны.

И звезда над твоею судьбою
подмигнёт сквозь года январю.
И молитвы слова – не мольбою,
только: «Господи, благодарю».

4.

Расставлены все знаки препинанья,
дописана последняя строка.
Нам негасимый свет воспоминанья.
Тебе свободный путь за облака.

Судьба завершена. И не роптанье,
не причитаний мутная река —
скорбящих кадиш и в любви признание.
Колышет саван ветерком слегка.

5.

Вот мы и по разные стороны жухлой травы,
по разные стороны сна под домашнею сенью,
по разные стороны жизни суровой канвы,
по разные стороны правды и лжи во спасенье.
Душа твоя бродит в прозрачном небесном лесу,
глядит из угла твоя палка с собачьей тоскою
и по паутинке, поющей без слов навесу,
серебряный луч пробегает последней строкою.

Кто любит, тот скажет *люблю* – не *любил*,

поделится тёплой водкой и хрусткой мацою,
погладит глазами горячие камни могил
и скажет: «Прости, я пошёл» с сипотцою.

И что тебе до суеты и пустой о тебе болтовни,
до торжища, где суесловная славы делёжка,
до всей этой глупой и злой трепотни, трескотни,
в которой не боль, не любовь, а тщеславья ветóшка?

Да пусть их. Что дела до всяких прокуд?
Они пошумят, погалдят и пройдут.
Душа твоя с неба на ниточке света.
И ты остаёшься. Спасибо за это.

2012—2017

«слёзы капали и капали...»

*Счастье всего мира не стоит
одной слезы на щеке невинного ребёнка.
Ф. М. Достоевский*

слёзы капали и капали
дети плакали и плакали
и стремились реки слёзные
посолить собой моря
а цари царили грозные
а мы пили воду пресную
и слова писали честные
духом в небесах паря

а земля орала в корчах и
улетали дымом корчаки
слёзы капали и капали
и менялись времена
дети плакали и плакали
процветало плодовитое
человечество напиток
детскою кровью допьяна

2017

шаламовские эпитафьи

1.

Незащищённость бытия...

На песке времён построен
прочный дом не устоит
и обманчиво спокоен
бытия неспешный быт.

И по божьему почину
счастье в поисках ловца.
Всё прекрасно, чин по чину
от начала до конца.

Но откуда эта нотка
чашки, треснувшей в руке,
и неверная походка,
и застрявший ключ в замке?

Голос времени натружен
и то плачет, то хрипит.
До рассвета стынет ужин,
чай вечерний не допит.

Что за приторная сладость
над отечеством дымка?

И откуда эта слабость
в белых крыльях ангелка,

и прощенье, и отмщенье,
и мольба, и лития,
жизни смертной причащенье,
беззащитность бытия?

2.

*Вверх по течению веков
плывёт челнок.*

Протяжный лиственниц букет
вдоль берегов.
Горит брусничный белый цвет,
как свет снегов.

Глядится небо в зеркала
воды земной.
В них свет сливаются и мгла,
мороз и зной.

Позвякивают в зеркалах
огни зрачков
и дух, и прах, и в кандалах
поток веков.

И вольница воды живой,

и ледостав,
и поворота плечевой
хрустит сустав.

Трещит усталый позвонок,
сходя с ума.
Наперекор всему челнок,
как жизнь сама,

когда хрупки земная твердь
и склянки век,
когда в затылок дышит смерть
и зверем век.

Продрогшая душа любви.
Судьбы правёж.
Мелькают блики на крови.
А ты плывёшь.

3.

Больного сердца голос властный...

Жить бы себе да и жить,
не изменяя веселью,
сладкую требу служить
в шатком дому новоселью.

Жить бы себе поживать,

жить, головы́ не мороча,
манку по крошке клевать,
не ворожа, не пророча.

Жить бы, язык прикусив,
жить бы, о жизни не плача.
петь на расхожий мотив,
бред полоумный толмáча.

Только колотит в груди
и разрывается коло,
только гульбы посреди
колокол смертный глагола.

Только нездешняя власть
болью звенящего зова,
только горчащая сласть
неукротимого слова.

Только дорога туда,
где ни конца, ни начала,
где до рассвета звезда
птицей подбитой кричала.

4.

Всё те же снега Аввакумова века...

Танцуют лучи на скоблёном полу,

забытая память толчётся в углу
и печь подмигнёт сквозь железное веко —
туманное эхо минувшего века.

А здесь на чужом и промозглом ветру
придвинься поближе к сырому костру
и грейся в голодной ломоте
в сторожкой пунктирной дремоте.

Ты лагерный номер, прижизненный прах
на мушке прицела в расстрельных снегах.
Голодную пайкой земных благостынь —
колымская яма, смертельная стынь.

Но руки к огню тянет скованный странник,
но слово живуче, как кедровый стланник,
срывается с губ и уходит в бега.
И век уж не тот, да всё те же снега.

2017

«Защемит, отпустит и снова зажмёт...»

*На том берегу мы когда-то жили
Елена Шварц*

Защемит, отпустит и снова зажмёт,
и снова отпустит тоска ли, печаль ли
о времени скудных и стыдных щедрот,
о канувшем в Лету бесследно начале.

Мостов над Невою полночный развод,
балтийского неба набрякшие веки,
свобода, всходящая на эшафот,
короткие встречи, прощанья навеки.

Пространство и время, восход и заход,
то сумерки в полдень, то белые ночи,
и корюшкой пахнет сквозь смог ледоход,
и ангел с крестом ворожит и пророчит.

И тени бывшего куда-то спешат,
молитвы стихов бормоча на бегу.
Свинцовые воды. В снегу Летний сад.
Мы жили когда-то на том берегу...

«В радуге много красного цвета ...»

*Я верю в предчувствия и приметы...
Варлам Шаламов*

*Предчувствиям не верю и примет
я не боюсь.
Арсений Тарковский*

В радуге много красного цвета —
к ветру, а радуга утром – к дождю,
бурное таянье – к мокрому лету,
запахи леса с горчинкой – к груздю.

Головы кружат и души морочат
лепет примет и предчувствия блажь,
что-то пророчит свихнувшийся кочет,
в полдень впадая в священный кураж.

Девочки – к миру, мальчики – к морю.
Чувство шестое вгоняет в тоску.
Эта умора не всякому впору
и не любая нога к лапотку.

Гитик до чёрта умеет наука,
ей ли не ведать, ей ли не знать?
Но возникает в излучине звука

то, что язык не умеет сказать —

тёмное чувство, сияние света,
морок, проклятие и благодать,
тянет предчувствие, шепчет примета,
веришь, не веришь, а не унять

божьего страха, земного восторга,
смертной печали, живительных слёз.
Будет, что будет, и тут не до торга,
лишь позвонки обжигает мороз.

Сбудется, нет ли, посмотрим, увидим —
в яблочко, в сердце, взлёт или влёт.
Стонет Сизиф и бормочет Овидий.
Жизнь откуражится. Смерть отпоёт.
2017

александру радковскому

1.

*О песня, о её сестра
бузиновая дудка.
Александр Радковский*

Хлестало время по лицу,
стынь весело крепчала.
Мы по Садовому кольцу
с конца и до начала,
потом с начала до конца
от винной и до винной
два дурковатых мудреца
бредём дорогой длинной
и сочиняем новый Рим,
где правят сны и музы,
и говорим, и говорим...
Слова ложатся в лузы,
под шагом чавкает грязца,
неслышно время длится,
витают запах чабреца
и вдохновенны лица.
Свинья не съела, бог не спас.
И радостно, и жутко.
И тянет песенку о нас
бузиновая дудка.

2.

*Да, душе не много надо —
только свет и два крыла...
Александр Радковский*

Время стрелкою по кругу,
белкой в вечном колесе
разгоняет ночи тугу,
отражается в росе.

Тишина прошелестела,
к тишине другой спеша.
На усталый голос тела
откликается душа.

Говорит, не спи, не надо,
говорит, побудь со мной.
мне с тобою нету слада,
мой болванчик заводной,

Говорит, ну где же ключик,
ищет в тёмных небесах
и вставляет хрупкий лучик
в блеска щёлочку в глазах.

Говорит, ну что, полегче?
Говорит, поспи, я здесь,

засыпай... и в небо шепчет
хлеб насыщенный даждь нам днесь
Посидит ещё немножко,
улыбнётся и взгрустнёт,
а потом, прикрыв окошко,
в уголочке прикорнёт.

3.

*Телу хватает и чёрствого хлеба
Но что прикажете делать с душой?
Александр Радковский*

Падают в вечность минуты,
в зеркале белая прядь.
Сыты, одеты, обуты —
что же ещё горевать?

Чертят ночами кометы
свой непонятный чертёж.
Сыты, обуты, одеты —
что ж нам ещё невтерпёж?

Что ж мы в разнос и на вынос
душу, что в теле еси?
Господи, благослови нас,
благослови и спаси.
Господи, за благостыни
благодарю, но прости,

сколько ещё по пустыне
нам до свободы брести —

той, что пропитана болью,
той, что рубаху с плеча,
что перекатною голью
плачет за жизнь богача?

Боже, ты сам себе сыном,
духом святым и отцом.
Как мне не хлебом единым
жить не глупцом, не слепцом?

Мокнет слезами подушка.
Гаснет в полёте звезда.
Чёрного хлеба горбушка
и дождевая вода.

2016—2017

«Ночь, как ребёнок малый, плачет...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.